

БАЛЛАДЫ

ПРОКЛЯТИЕ

“Неси, неси меня, мой конь,
Где ветер сабли и огонь,
Где крики, вопли сгоряча
И нет пощады от меча,
Где бьет кровавый барабан
И застывает взгляд туман
От искаженных в гнев лиц
И лязга темных колесниц.

Я в вихре крови и огня
Направлю своего коня,
Зажму в ладони крепко меч,
Тряхну изгибом ладных плеч,
В атаки рев тот окунусь,
И над врагами вознесусь...
Пусть не глядит мне вслед Судьба –
Я жив, пока кипит борьба!”

Так пел бродячий менестрель,
Лаская струны арфы.
Звенела струн золотая трель –
Как сабель звон в Клонтарфе.
Был старец менестрель седой
И, в такт кивая головой,
Вел песнь свою неторопливо,
Подобно морю в час прилива.
И слушателей беспокойный рой
Вокруг кружился мошкаррой:
Хлебнувши для порядка браги –
Дворяне, слуги и бродяги,
Лесные йомены, купцы
И разбитные молодцы –
Все менестреля обступили.

Когда ж окончил старец петь,
Успел второй петух пропеть,
А у вечернего костра
Сияли лица и глаза.

И лишь один норманн суровый,
Поклав на меч свою ладонь,
Не разделяя смех веселый,
Глядел угрюмо на огонь.
И к старцу обратился он
На ломаном наречии своем:
“Старик седой, мудрец, взгляни
На слезы проклятой души,
Быть может, ты поможешь мне
Найти покой в кошмарном сне.
Я был силен, отважен, смел,
Имел свой замок и удел,
Имел богатств без счета разных,
Был щедр во всех застольях праздных,
Не знал ни удержу, ни меры,
Меня боялись изуверы.
Я был всемогущ, как король,
И мое имя, как пароль,
Как льва в пустыне грозный рык,
Звучало на устах владык.
Я уходил от виселиц и плах,
И мое тело не горело на кострах,
Не ведал я, что значит стыд и страх,
И всех врагов своих держал я в дураках.
Но разозлилось время – и не знаю,
Что я в конце найду, что потеряю, –
Мне призраки ночами снятся злые,
И от того все сны мои чумные.
Могильный стук, как пев у аналая,
Все чаще слышу, как не сплю,
И это все пока терплю.
Теперь я вижу, это рок
В разгульном пляшет шабаше,

И наступает Рагнарок
В моей истерзанной душе.
Но без лукавого намека
Хочу услышать твой совет,
Чтоб исцелиться от порока,
Чтоб снова видеть божий свет”.

“Час Рагнарока не настал, –
Сурово старец отвечал, –
Я не священник, но скажу:
Противься сердцем своим злу,
И лишь тогда спадет завеса,
Когда изгонишь злого беса.
Но имя мне свое открой,
О рыцарь, проклятый судьбой”.

“Имен своих я не скрывал, –
Так старику норманн сказал, –
Но знай, о старче, быть беде,
Коль я скажу его тебе.
Я Реджинальд фон Блосс – Гарольда сын,
Что был реком Грозою Сарацин.
Я был в Святой земле, я дрался с Саладином,
Краев тех диких властелином...
Но те часы прошли. Теперь
Я, сворой псов гонимый зверь,
Стыжусь своих последних слов
В объятых дьявольских оков”.

Вздохнул старик и помрачнел:
“Немало натворили дел
Предки фон Блоссов, ну а ты
Попался в лапы Темноты.
Теперь я понял твой недуг,
Души увечье и испуг”.
И шепотом уже сказал:
“Я деда твоего знавал.
Он слыл великим колдуном,

И как-то спутался со злом.
И вот однажды, как в чуме,
Он продал душу Сатане...
Теперь же то проклятье внуку
Шлет жгучую и злую муку.
Но я готов тебе помочь
Проклятье это превозмочь”.
Он флягу вдруг достал с кармана
И протянул ее норманну.
“Взгляни!
Здесь эликсир из вод Святой земли.
Испей до дна целебный сей напиток,
И обретишь от всех душевных пыток
Давно желаемый, лелеянный покой,
Как исцеленье от руки святой!”

И Реджинальд схватил тот дар:
“Я исцелюсь от злобных чар!”
И вмиг забыв о старике,
Забыв о людях, о стране,
Забыв про свой печальный мир,
Испил он жадно эликсир.

Погас огонь, и чья-то тень
Зловещим облаком накрыла всю поляну,
И что-то черное вцепилось в старый пень,
Вплотную подойдя к норманну.
А тот отпрянул прочь с испугу
И, прочно затянув кольчугу,
Вскричал, как жертва на закланье:
“Згинь, злобное создание!
Устал я ждать, когда прольется
Дождь милосердия с небес
И смоеет грех с моих телес.
Но пробил час моей свободы –
Которой ждал все эти годы.
Уже не твой я – слышишь, тварь?
Оставь другому свой алтарь!”

А демон вдруг захохотал
И складкой крыльев встрепетал.
И видел старец и народ,
Как подлетел к норманну тот.
Все закружилось, расплылось
И вдруг погасло. “Кончилось, –
Изрек старик среди тишины, –
Его мученья, горечь, сны.
Он сам испил тот страшный яд
И занял свой последний ряд.
Тут не помог мой эликсир –
Уж слишком напился злом сей мир”.

И, завернувшись в старый плед,
Побрел – усталый и седой –
Искать пристанище и свет,
Искать заслуженный покой.

*г. Очаков,
лето 2002 г.*

